

НАСЛЕДИЕ В.С. СОЛОВЬЕВА: ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

V.S. SOLOVYOV'S HERITAGE: STUDIES AND PUBLICATIONS

УДК 821.161.1Соловьёв

ББК 83.3(2=411.2)5

Наталья Геннадьевна Юрина

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Россия, Саранск, e-mail: makarova-ng@yandex.ru

«Воскресные письма» В.С. Соловьёва: особенности диалога с читателем

Аннотация. Предлагается анализ «Воскресных писем» В.С. Соловьёва. Рассматриваются особенности авторского диалога с читателем в рамках этого публицистического цикла. Актуальность темы обоснована важностью произведения для осмысления, с одной стороны, последнего текста писателя «Три разговора...», с другой – общего направления развития его публицистики. «Воскресные письма» сравнительно недавно оказались в сфере внимания соловьеведов и остаются мало изученными. С опорой на основные положения концепции речевых жанров М.М. Бахтина рассматриваются работы, входящие в соловьевский цикл, в коммуникативном ракурсе в нескольких проекциях: автор – адресат, автор – текст, адресат – текст. Такой подход является новым для соловьеведения и продуктивным в силу совмещения в рамках научного исследования возможностей литературоведения и языкознания. В результате воссоздается общая схема выстраивания Соловьёвым-публицистом коммуникативного акта с читателем, характеризуются некоторые особенности его диалога с аудиторией. Делаются выводы о том, что 1) главной целью Соловьёва при публикации «Воскресных писем» была организация регулярного и прямого диалога с русской читающей публикой в связи с широким кругом общественных, политических, философских, религиозных и нравственных вопросов (сказалась традиция «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского); 2) автор цикла реализовывал, прежде всего, просветительско-пророческую творческую стратегию; 3) на протяжении 1897–1898 годов Соловьёв по-разному дифференцировал читательскую публику, корректировал свою позицию относительно адресата; 4) выбор жанровой формы произведения (письмо-проповедь) был не случаен, обосновывался характером речевой ситуации, участниками диалога, спецификой сферы общения, предметом речи и определил своеобразие стиля; 5) стиль соловьевского цикла отличается неоднородностью, неровностью, взволнованностью. Эти выводы позволяют яснее представить специфику авторской позиции Соловьёва-публициста, характер реализации его творческих стратегий.

Ключевые слова: концепция речевых жанров М.М. Бахтина, коммуникативный акт, публицистический текст, диалог, адресат, адресант, жанр, творческая стратегия, предмет речи, стиль

Natalya Gennadyevna Yurina

National Research Mordovia State University, Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, Russian Federation, Saransk, e-mail: makarova-ng@yandex.ru

V.S. Solovyov's "Sunday Letters": aspects of the author's dialogue with the reader

Abstract. The article is devoted to the analysis of V.S. Solovyov's "Sunday Letters". Aspects of the author's dialogue with the reader within the framework of this publicist cycle are considered. The relevance of the topic is based on the importance of this work for understanding the writer's last work, "Three Conversations" and the general direction of the development of his publicist writing. The "Sunday Letters" have relatively recently come to the attention of Solovyov scholars and remain little studied. On the basis of the main premises of M.M. Bakhtin's concept of speech genres, the article examines the works included in the Solovyov cycle from a communicative perspective, highlighting several perspectives: author – addressee, author – text, addressee – text. This approach is new for Solovyov studies and productive due to the combination of literary and linguistic-methods of scientific research. As a result, the general scheme of the way Solovyov the publicist constructs a communicative act with the reader established and some features of his dialogue with the audience are characterized. The article concludes that 1) Solovyov's main goal in publishing "Sunday Letters" was to organize a regular and direct dialogue with the Russian reading public on a wide range of social, political, philosophical, religious and moral issues (reflecting the influence of the tradition of F.M. Dostoevsky's "Writer's Diary"); 2) the author of the cycle primarily implemented an educational and prophetic creative strategy; 3) during 1897–1898 Solovyov distinguished between various sections of the reading public, corrected his position regarding the addressee; 4) the choice of the genre form of the work (letter-sermon) was not accidental, it was justified by the nature of the speech situation, participants of dialogue, specifics of communication sphere, subject of speech and determined the uniqueness of his style; 5) the style of the Solovyov cycle is characterized by heterogeneity, unevenness, excitement. These conclusions clarify the specifics of the author's position in the works of Solovyov the publicist, the character of his implementation of creative strategies.

Key words: M.M. Bakhtin's concept of speech genres, communicative act, publicist text, dialogue, addressee, addresser, genre, creative strategy, subject of speech, style

DOI: 10.17588/2076-9210.2021.2.006-019

Публицистический цикл «Воскресные письма», состоящий из 22 работ, создавался В.С. Соловьевым в конце его творческого пути. Статьи, входящие в него, были опубликованы в 1897–1898 годах в газете В.П. Гайдебурова «Русь». Весной 1900 года 12 из них были переизданы в качестве приложения к последнему фундаментальному произведению писателя «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории...».

«Воскресные письма» сравнительно недавно оказались в сфере внимания соловьеведов, хотя публицистика Соловьева, начиная с 1990-х годов, активно переиздавалась¹ и изучалась как в России (работы В.И. Фатющенко и

¹ См.: Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1, 2. Воскресные письма // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 292–372 [1]; Politics, Law, and Morality: Essays by V.S. Soloviev. New Haven: Yale University Press, 2000. 368 p. [2].

Н.И. Цимбаева², С.Б. Роцинского³ и др.), так и за рубежом (Г. Гаут⁴, Дж. Корнблатт⁵, Ф. Цанн-кай-си⁶, Я. Красицки⁷ и др.). Анализируя соловьевский цикл в ракурсе публицистических полемик конца XIX века, Б. Межуев справедливо отметил его особую идейную нагрузку в составе «Трех разговоров...»: они представляли в публицистическом формате тот корпус идей, который определил художественное полотно последнего прозаического произведения философа⁸. Это подтверждает авторская последовательность их расположения при вторичной публикации: сначала – письма под общим названием «Немизида» об испано-американской войне и последствиях для государства насильственного принуждения к исповеданию «правильной» веры, затем – несколько писем («Россия через сто лет», «О соблазнах», «Совестность или истина?»), связанных с внутрисоветскими проблемами (демография, особенности общественного мышления), наконец, «Пасхальные письма», посвященные осмыслению духовного развития человечества. Такая очередность позволила полнее реализовать авторский замысел, пояснить логику развития мысли в «Трех разговорах...», дополнить выводы. Факт особой важности для позднего Соловьева вышеназванного цикла подтверждает авторское замечание о нем: «Некоторые из этих статей принадлежат к наиболее удачному, что когда-либо мною написано...» [10, с. 653].

Таким образом, актуальность заявленной темы обоснована важностью «Воскресных писем» для осмысления, с одной стороны, соловьевских «Трех разговоров...», с другой – общего направления развития публицистики писателя. На сегодняшний день публицистический цикл остается мало исследованным как в плане проблематики, жанрового своеобразия, языкового оформления, так и в плане отражения авторской позиции, специфики реализации творческих стратегий Соловьева. Ниже рассмотрим этот текст в коммуникативном ракурсе, проанализируем с точки зрения особенностей организации публицистического диалога с читателем. При осмыслении художественного и публицистического произведения в аспекте коммуникации особенно продуктивна, на наш

²См.: Фатюшенко В.И., Цимбаев Н.И. Владимир Соловьев – критик и публицист // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 5–34 [3].

³См.: Роцинский С.Б. Вл. Соловьев и теоретики народничества: выяснение отношений по поводу общественного идеала и роли личности в истории // Соловьёвские исследования. 2005. Вып. 11. С. 13–25 [4].

⁴См.: Gaut G. Can a Christian be a Nationalist? Vladimir Solov'ev's Critique of Nationalism // Slavic Review. 1998. Vol. 57, No. 1. P. 77–94 [5].

⁵См.: Kornblatt J.D. Vladimir Solov'ev on Spiritual Nationhood, Russia and the Jews // Russian Review. 1997. Vol. 56, No. 2. P. 157–177 [6].

⁶См.: Цанн-кай-си Ф. «Русская идея» в философской публицистике Вл. Соловьева и духовная ситуация нашего времени // Соловьёвские исследования. 2005. Вып. 11. С. 66–74 [7].

⁷См.: Красицки Я. Проблема раздела церквей и христианского единства в публицистике В. Соловьева // Соловьёвские исследования. 2005. Вып. 11. С. 87–97 [8].

⁸Б. Межуев настаивает на том, что «двадцать второе письмо было совсем не последним и, что важно, не последним, размещенным в газете "Русь"» [9].

взгляд, методология, предложенная М.М. Бахтиным в работе о речевых жанрах⁹. Бахтинская концепция генерирует возможности литературоведения и языкознания, позволяет увидеть текст объемно, сразу же в нескольких проекциях: автор – текст, автор – адресат, адресат – текст. Такая методология крайне редко используется при анализе соловьевских произведений (публицистику В.С. Соловьева в коммуникативном ракурсе рассматривали Н.Г. Баранец¹⁰, О.Л. Аriskина¹¹, литературно-критические и художественные тексты – Н.Г. Юрина¹²), что обеспечивает исследованию новизну не только объекта изучения, но и метода.

Автор – адресат (определение адресата, авторской стратегии)

Любой текст-высказывание в значительной степени определяется адресантом и выстраивается с учетом возможных ответных реакций адресата. Очевидно, что главной целью Соловьева при публикации цикла «Воскресные письма» была организация регулярного прямого диалога с русской читающей публикой в связи с широким кругом актуальных общественных, политических, философских, религиозных и нравственных вопросов. Предположим, что на характер реализации этого замысла могли повлиять не только эсхатологические настроения позднего Соловьева, в связи с которыми обсуждение жизненно важных для человеческого развития вопросов стало для него настоятельно необходимым, но и публицистический опыт Ф.М. Достоевского, традиция его «Дневника писателя». В начале своей литературно-критической деятельности именно этого автора Соловьев назвал пророком и, несмотря на изменение в дальнейшем своего отношения к некоторым идеям писателя, так и не перечеркнул последующими публичными выступлениями своей ранней оценки. Логично, что к творческому опыту Достоевского Соловьев должен был присматриваться особенно внимательно.

Письма-высказывания Соловьева в силу их публицистической природы, сферы деятельности, в рамках которой они оглашались, первоначально предполагали широкий круг собеседников: народ, соотечественников, современников. Возможно, неслучайно для публикации было выбрано издание с символи-

⁹ См.: Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 428–472 [11].

¹⁰ См.: Баранец Н.Г. Дискурсивные и жанровые особенности творчества В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2002. Вып. 2. С. 18–34 [12].

¹¹ См.: Ariskina O.L., Yurina N.G. Features of the linguistic personality of V.S. Solovyov-publicist (speech: "three forces") // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. 25 (5). P. 39–50 [13].

¹² См.: Юрина Н.Г. Творческие стратегии в литературной критике В.С. Соловьева (на материале работ «Поэзия Ф.И. Тютчева» и «Русские символисты») // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 225–230 [14]; Юрина Н.Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьева в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. С. 59–94 [15].

ческим названием «Русь». Вообще Соловьёв не очень высоко ставил русское общество, склонное к подражанию, несвободное и несамостоятельное. Незадолго до смерти он писал: «Заглядывая в душу нашего общества, не увидишь там ни ясного добра, ни ясного зла... ни богу свечка ни черту кочерга» [16, с. 171]. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что в процессе обнародования серии «Воскресных писем» автор по-разному дифференцировал для себя публику, искал «своего» читателя и корректировал свою позицию относительно адресата. Так, в 5-м письме он называл в качестве субъекта восприятия текста «здорового русского читателя», «действительный русский народ» и «ту часть русского общества, которая заодно с народом и предана его истинной пользе»¹³. В 6-м определял читателя предельно широко: рассуждал о «малых сих», из которых «состоит весь мир»¹⁴. Это «люди, не имеющие вкуса к злу, не любящие его ради него самого, но недостаточно сильные, чтобы противиться его материальным соблазнам»¹⁵. Именно для них, полагает автор, могут быть полезны его размышления-поучения. В 10-м письме Соловьёв пришел к выводу, что его адресат – русское христианское сообщество, включающее как интеллигенцию, так и народ. В 16-м письме автор говорил о трех категориях слушающих-собеседников по их отношению к истине: 1) духовно слепые, утратившие возможность воспринимать истину в силу болезни души; 2) зрячие, воспринимающие истину и старающиеся выстроить жизнь в соответствии с этим знанием; 3) зрячие, которые видят истину, но ненавидят и не принимают ее, так как она обязывает их к действию, которого они не хотят. Итоговый вывод Соловьёва: «Не требуется умственная работа над истиною для избранных добра и зла, но она требуется для множества призванных к добру и отвлекаемых злом» [17, с. 55]. Для «людей средних, пассивных», легко смущаемых и сбиваемых «с толку всякими волками в овечьей шкуре»¹⁶ и были написаны «Воскресные письма».

Соловьёв с юношеских лет соотносил свою жизненную миссию с пророчеством об истине¹⁷. В одном из писем к А.А. Фету он писал: «Я, впрочем, не только об угождении, но даже и об убеждении людей давно оставил попечение. Довольно с меня свидетельствовать, как умею, об истине, в которую верю, и о лжи, которую вижу» [19, с. 121]. Свое назначение он старался реализовать через научно-философский, публицистический, художественный, литературно-

¹³ См.: Соловьёв В.С. Воскресные письма // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва: в 10 т. Т. 10. СПб.: Тов-во «Просвещение», 1914. С. 17–18 [17].

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Соловьёв В.С. Воскресные письма // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва: в 10 т. Т. 10. С. 55.

¹⁷ В качестве традиций, к которым оказался в этой связи восприимчив Соловьёв, П. Дэвидсон называет русскую литературную пророческую традицию и библейскую традицию еврейского пророчества (см.: Davidson P. Vladimir Solov'ev and the Ideal of Prophecy // Slavonic and East European Revue. 2000. Vol. 78, No. 4. С. 662 [18]).

критический формат общения с собеседником, использовал как устный, так и письменный его виды. Начиная с первых публицистических выступлений, выстраивая поле диалога с читателем, Соловьев использовал, прежде всего, просветительно-пророческую стратегию, что мы констатировали и проиллюстрировали ранее на материале статьи «Три силы»¹⁸. Речевой акт организовывался им с учетом неравноправия собеседников, модальности урока, который должен был усвоить адресат. Адресант-«наставник» позиционировал себя как носителя истины, стремился к полноте раскрытия темы, расставлял смысловые акценты. Соответственно подбиралась жанровая форма, особый способ изложения. Формат публицистического общения с читателем в 1880-е годы стал для философа одним из основных. В ряде полемических статей, составивших впоследствии два выпуска «Национального вопроса в России» (1883–1891 гг.), выстраивалась и другая, игровая, творческая стратегия. Используя прием иронии, намеки и недосказанность, автор предлагал адресату-читателю текст с двойным смыслом, приглашал к равноправному диалогу. Отыскивая отдельные оттенки авторских мыслей и чувств, читатель должен был критически осмыслить сообщение, проанализировать скрытые в нем смыслы и установить в диалоге с автором собственную истину. В последние годы жизни, достигнув пика в развитии своей поэзии и художественной прозы, Соловьев возвратился к активным занятиям публицистикой, очевидно, из-за действенного ее характера, возможности общаться с собеседником напрямую, быстро реагировать на ответные реплики и изменяющуюся ситуацию общения. Если в ранний период творческой деятельности Соловьев часто использовал форму устного выступления (лекция, слово, речь), то к концу жизни он, по свидетельству Э.Л. Радлова, стал тяготиться общением с большой аудиторией: публичные лекции: «утомляли и расстраивали его более, чем всякий другой труд»¹⁹. Вместе с тем прямое общение с размышляющей и анализирующей текущую жизнь публикой Соловьев, очевидно, считал важным и необходимым.

Использование просветительно-пророческой стратегии в диалоге с читательской аудиторией, главенствующая позиция автора относительно выстраиваемого дискурса, безусловно, просматриваются в «Воскресных письмах». Соловьев авторитарно излагает собственный взгляд на человеческий путь и современную действительность, пытается убедить читателя-собеседника в своей правоте, объяснить свою точку зрения, воздействовать на адресата. Обратим внимание на названия, подчеркивающие позицию автора-пророка, просветителя и проповедника: «Небо или земля?», «Словесность или истина?», «Забытые уроки», «Что такое Россия», «Женский вопрос», «Восточный вопрос». Они

¹⁸См.: Ariskina O.L., Yurina N.G. Features of the linguistic personality of V.S. Solovyov-publ-cist (speech: "three forces") [13].

¹⁹ Радлов Э.Л. В.С. Соловьев. Биографический очерк // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. Т. 10. СПб.: Тов-во «Просвещение», 1914. С. XVII [20].

имеют констатирующий или проблемный характер, отличаются философским размахом. Название писем 1898 года («Духовное состояние русского народа», «Россия через сто лет») прямо обращены в будущее, содержат духовное пророчество. В центре обсуждения – оценки и анализ определенной ситуации, характеристика личностей, концентрирующих типичные черты общественной группы, важные тенденции. В каждом из своих высказываний автор, безусловно, проявляет индивидуальность, выражает свой взгляд на мир, эстетические пристрастия, этические принципы. Это проявляется в выборе темы, позиции по проблеме, в замысле и специфике его реализации, экспрессии, стиле высказывания. Однако самовыражение здесь не является самоцелью. Для Соловьева важнее другое – донесение истины до читателя, воздействие на него. Э.Л. Радлов определял особенности авторской позиции в «Воскресных письмах» так: «...читатель все время чувствует, что серьезный взор автора следит за ним и старается уловить хотя бы проблеск сознания, что единственно ценное в жизни – это вера в безусловное начало, это живое религиозное чувство» [20, с. XX]. Нельзя не отметить, что в текстах соловьевского цикла отсутствует абсолютный авторитаризм, ограниченность сообщения констатацией субъективных мыслей и ощущений, как, например, в поздней литературной критике Соловьева. Автор признает право читателя на равноценную реплику, которая может увести диалог в сторону от намеченного им направления: «Прошу извинения, что речь о важном деле, начатую в прошлом письме, я прерву сегодня... В № 7543 "Нового времени" мне посвящены две статьи...» [17, с. 14]. Учительско-пророческий тон первых соловьевских публицистических выступлений смягчается, становится более открытым, доброжелательным. Если публицист и не воспринимает собеседника как абсолютно равного, то, по крайней мере, пытается прислушаться к нему, дает возможность высказаться («Три разговора...») выстраиваются по тому же принципу).

Полемика не была приоритетной задачей «Воскресных писем». Вот почему игровая стратегия здесь не является ведущей, используется фрагментарно. Так, разоблачая в письме «Словесность или истина?» полуистинность нищезанятия, модного умственного заблуждения современности, Соловьев намеренно выбирает соглашательско-уступчивый тон, форму скрытой полемики. Он противопоставляет идею «несчастливого Ницше» библейской истине, и это соседство мгновенно перечеркивает заслуги немецкого философа: «...эта истина о высшем, сверхчеловеческом начале в нас... была уже не нова, когда апостолу Павлу пришлось *напоминать* ее афинянам... Теперь Ницше возвестил ее как великое открытие. Спасибо и на том. Но вот беда: апостол Павел напомнил афинянам о высшем достоинстве и значении человека только для того, чтобы сейчас же указать на действительное осуществление этого *высшего* в действительном праведнике, воскресшем из мертвых... тогда как новейшему проповеднику сверхчеловека не на что указать в действительности и некого назвать» [17, с. 29]. Все в этой реплике Соловьева отвечает задачам полемики: и ирони-

ческое обозначение оппонента как «нового проповедника сверхчеловека», и курсивное подчеркивание значимых слов, и общая ироническая оценка («Спасибо и на том»), и мгновенное языковое снижение, переход на разговорный уровень («но вот беда»). При этом экспрессия обоснована не столько предметом речи, сколько отношением к сказанному собеседником. Явная ирония проявляется в обозначении Ницше как «базельского профессора», в сравнении его с героем Гоголя Тентетниковым, который писал «о генералах вообще», в выстраивании синонимического ряда («кабинетный ученый», «слишком филолог», «смелый и многоученный немец»). Скрытое ироническое снижение прослеживается в отдельных замечаниях: «...для филолога быть основателем религии так же неестественно, как для титулярного советника быть королем испанским»²⁰ и др. Все это подводило к неожиданно серьезному заключению: не исключено, что сверхчеловек Ницше озаменовал начало страшных времен для человечества – пришествие в мир антихриста. Талантливый немецкий философ мог предчувствовать скорое наступление ложных дел и знамений и выразить это так, как позволяли его возможности.

Автор – текст (жанр, предмет речи, композиция, степень экспрессивности)

Выбор жанра высказывания, как отмечал М.М. Бахтин, обосновывается ситуацией речевого общения, его участниками, спецификой сферы общения и предметом речи. Свои «Воскресные письма» Соловьев соотнес с жанром письма, точнее, цикла писем. Эта форма обеспечивала максимальную степень близости адресата говорящему, доходящую до уровня дружеского общения, предполагало особую откровенность, обоснованный субъективизм. В силу синтетического характера публицистики, сочетающей в себе объективность научного исследования, документа и эмоциональность художественного и разговорного текстов, коммуникация в данной области творческой деятельности предполагала точность определения понятий, логическую обоснованность, доказательность суждений, насыщенность информацией, заданность объема и темпа коммуникации, разнообразие трактовок сообщения, субъективизм диалога (интерес адресата к изданию, проблеме, автору).

Еще одной жанровой составляющей, определившей коммуникативное поле «Воскресных писем», стала проповедь (поучение, духовная беседа). Считаем, что этот авторский выбор был во многом обоснован фактом именно воскресного общения с публикой-«паствой». Традиционно церковное публичное выступление преследовало практически информативно-воспитательные цели, содержало полемику по богословским вопросам, наставление. Для текстов этого жанра характерен небольшой объем, общедоступный язык, без особых

²⁰ См.: Соловьев В.С. Воскресные письма // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. Т. 10. С. 29–30.

украшений, затемняющих смысл, обращенность к широкому кругу слушателей/читателей. Стилиевые черты проповеди-поучения просматриваются в «Воскресных письмах» в использовании местоимений «мы», «наш» («Разве *мы* не знаем еще и того, что именно угодно Богу *от нас*, от России? Если еще и не знаем, то это – *наша* вина, и от *нас* зависит ее и исправить...»²¹), антитезы («маленький образчик большого недоразумения», «умственное богатство предпочтительнее скудости»), повторов («...а запросы мышления останавливаются на *мнимых* истинах, *мнимо* доказанных какою-то *мнимою* наукой»²²), реминисценций из библейского текста. М.М. Бахтин писал: «Первое и последнее предложения высказывания...это, так сказать, предложения “переднего края”, стоящие непосредственно у самой линии смены речевых субъектов» [11, с. 461]. Обратим внимание на то, что уже первая (главная) граница высказывания-цикла обозначена Соловьёвым при помощи цитаты из Ветхого Завета: «Не добро народу быть одному» (Бытие, гл. 2). Многие письма-высказывания в рамках цикла (6, 14, 16-е) завершаются библейской цитатой. Эти цитаты («...лучше было бы человеку тому, если бы навязали жернов на шею ему и ввергли его в море» (от Луки, гл. 17)²³, «...если вы верите Моим словам, то верьте делам, которые Я творю» (от Иоанна, гл. 10)²⁴) наряду со ссылками на библейские легенды (о встрече Иисуса с учениками после воскресения, о Фоме неверующем и др.), – своего рода знак для аудитории, обозначение «своего» читателя, имеющего христианское вероисповедание.

Соловьёв-публицист говорил в «Воскресных письмах» о жизни человека в социуме, затрагивал проблемы смысла существования, идейных заблуждений и провокаций, отношения к религии, сущности многонационального целого, роли языка народа, национального греха. Смена тематики была обоснована, с одной стороны, степенью высказанности автора по проблеме, с другой – необходимостью реакции на ответную реплику собеседника. Адресант должен был проделать серьезную аналитическую работу, чтобы собрать материал этой разрозненной ответной реплики, выявить общее направление и смысл «ответа», так как такой ответ не всегда выражался вербально и конкретно, чаще отражался в событиях текущей общественной жизни, иногда внешне никак не связанных с поставленной проблемой. Так, первые четыре из «Воскресных писем» («Семья народов», «Пробуждение совести», «О русском языке», «Что такое Россия») Соловьёва были посвящены вопросам веротерпимости и выстраивания многонационального общественного организма по законам духовного единства. При сохранении общей темы уже 2-е письмо учитывало ответные реплики аудитории (тематически близкие статьи в «Русском обозрении», «Новом времени», «Гражда-

²¹ См.: Соловьёв В.С. Воскресные письма // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва: в 10 т. Т. 10. С. 74.

²² Там же. С. 72.

²³ Там же. С. 21.

²⁴ Там же. С. 31.

нине»). 3-е начиналось с комментария ответа-упрека, опубликованного в «Новом времени», на предыдущее соловьевское высказывание. Между письмами, открывающими цикл, отношение «утверждение – дополнение»; начиная с 5-го письма («О так называемых вопросах»), отношение – «вопрос – ответ».

Экспрессивный момент в «Воскресных письмах» определялся оценивающим отношением адресанта к предмету обсуждения и собеседнику. Соловьев часто переходил от спокойно-нейтрального тона к взволнованному, эмоциональному. Это объяснялось важностью для него тех мыслей, которые он сообщал, полемическим азартом, личностной склонностью к иронии. Многочисленные риторические восклицания Соловьева в рамках цикла выполняли разную функцию. Так, в 11-м письме на четыре страницы текста шесть восклицаний. Кроме благоговейного «Христос воскрес!», выбранного в качестве заголовка, присутствуют восклицания, передающие иронию, возмущение, негодование. Они сочетаются с риторическим вопросом или общим обозначением позиции оппонента, используются для диалогизации текста (при этом собственная позиция каждый раз усиливается эмоционально): «Но разве природа не бессмертна? Всегдашний обман! Она кажется бессмертной для внешнего взгляда...»²⁵. Соловьев обычно ясно отражал свои эмоции в связи с чужим словом: «Когда я прочел эту тираду, старые, заглохшие славянофильские чувства взгряли в сердце моем»²⁶. Но в полемическом 9-м письме, посвященном нищестанову, автор в меньшей степени использовал прямые восклицания, экспрессия вуалировалась, ироническое отношение к предмету речи проявлялось в скрытой форме.

Адресат – текст (идея, стиль)

Остро ощущая близость конца времен, Соловьев в своих «Воскресных письмах» утверждал идеи религиозности, нравственного обновления, соборности. Авторская позиция доходила до адресата не только через совокупность авторских выводов, но и через особую манеру изложения, идиостиль. Специфика адресата определила некоторую фамильяризацию стиля: присутствие лексики, находящейся под речевым запретом («Мужик – глуп», «Баба – дура»²⁷), соединение отвлеченно-теоретических суждений с задушевно-дружескими, художественные вставки (стихотворные цитаты, пословицы, оценивающие эпитеты («ребяческая иллюзия», «роковые вопросы»), сравнения («Привязанность к местной родине так же мало препятствует патриотизму... как в правильной семье любовь к матери не мешает и не соперничает с любовью к отцу»²⁸), метафоры («жажда новизны», «зерно зла», «семя добра»), инверсии («к патриотизму *размышляющему*», «патриотов *ликующих*»). Стиль

²⁵ См.: Соловьев В.С. Воскресные письма // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. Т. 10. С. 34.

²⁶ Там же. С. 16.

²⁷ Там же. С. 71.

²⁸ Там же. С. 11.

«Воскресных писем» можно охарактеризовать как неровный, взволнованный, насыщенный большим количеством риторических вопросов и восклицаний: «Для человека, не покупающего свой духовный хлеб готовым в какой-нибудь булочной, а вырабатывающего его собственным трудом, какие мучения приносит хотя бы, например, чувство патриотизма!.. В каком состоянии находится отечество?» [17, с. 72]. Соловьев то подчеркивал свою ведущую роль в диалоге при помощи смысловых и лексических повторов, сквозных образов (Россия, Восток / Запад, народ-семья, христианский путь, вера / неверие, истина / ложь / полужистина, Христос, христианство / мусульманство, дух / душа, война / мир), курсивного выделения, развернутого сопоставления или, наоборот, схематизирования материала, то давал слово собеседнику, используя авторскую недоговоренность: «Не странно ли, что, признавая науку повсюду, мы хотим изгнать ее из той области, которую считаем важнейшею?..» [17, с. 24]. Автор цикла постоянно расширяет контекст диалога, он много цитирует комментируемый источник, развернуто излагает обстоятельства дела. Так, письмо «Духовное состояние русского народа» наполовину состоит из цитат, взятых в отчете обер-прокурора св. синода. Главные источники «чужого» слова – тексты, известные многим, имеющие абсолютный духовный авторитет или признанную эстетическую ценность (произведения А.С. Пушкина, А.Н. Майкова, В.А. Жуковского, А.Н. Островского, А.С. Грибоедова, А.К. Толстого, Н.В. Гоголя). Соловьев использовал как развернутые цитаты (в основном в письмах полемической направленности), так и фрагменты чужой фразы, пересказ, ссылки. Границы «чужого» слова при этом, как правило, четко обозначались. Высказывания оппонентов часто переакцентировались при помощи краткой оценки: «За такие правдивые и горячие слова много проститься кн. Мещерскому странных и ненужных его прежних слов» [17, с. 9]. Цитаты единомышленников не комментировались, собственное мнение излагалось сразу же после них. Так «чужое» слово становилось частью своего.

Таким образом, «Воскресные письма» Соловьева отличаются общественной значимостью, открытостью, установкой на диалог. Синтетический характер жанровой формы произведения (письмо-проповедь) обосновывался особенностями речевой ситуации (обострение мировоззренческих вопросов в связи с переходным характером эпохи, усиление личностных эсхатологических настроений, авторская потребность в задушевном разговоре с российской читательской аудиторией о насущных и духовных проблемах) и масштабностью коммуникативного замысла. Когнитивно-дидактические задачи автора диктовали жанр выступления, в котором воспринимающий коммуникант обладал бы свободой, однако голос автора был бы определяющим. Они определили формы структурирования материала, язык, способы организации речевого сообщения (прямое общение комбинировалось с образно-иносказательным, эмоциональное – со спокойно-задушевным, высокая лексика совмещалась с лексикой, находящейся под речевым запретом). Каждое из писем-высказываний Соловье-

ва не только было связано с предыдущим, но и дополняло, поясняло сказанное ранее с учетом ответных реплик собеседника. Результаты публицистических выступлений Соловьева в рамках цикла «Воскресные письма», безусловно, требуют дальнейшего изучения. Необходим более детальный их анализ в коммуникативном разрезе. Они интересны и с точки зрения присутствия традиций «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, в ракурсе пересечения коммуникативных задач, поставленных в «Воскресных письмах» и в «Трех разговорах...».

Список литературы

1. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 1, 2. Воскресные письма // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 292–372.
2. Politics, Law, and Morality: Essays by V.S. Soloviev. Edited and Translated by Vladimir Wozniuk. New Haven: Yale University Press, 2000. 368 p.
3. Фатющенко В.И., Цимбаев Н.И. Владимир Соловьев – критик и публицист // Соловьев В.С. Литературная критика. М.: Современник, 1990. С. 5–34.
4. Роцинский С.Б. Вл. Соловьев и теоретики народничества: выяснение отношений по поводу общественного идеала и роли личности в истории // Соловьевские исследования. 2005. Вып. 11. С. 13–25.
5. Gaut G. Can a Christian be a Nationalist? Vladimir Solov'ev's Critique of Nationalism // Slavic Review. 1998. Vol. 57, No. 1. P. 77–94.
6. Kornblatt J.D. Vladimir Solov'ev on Spiritual Nationhood, Russia and the Jews // Russian Review. 1997. Vol. 56, No. 2. P. 157–177.
7. Цанн-кай-си Ф. «Русская идея» в философской публицистике Вл. Соловьева и духовная ситуация нашего времени // Соловьевские исследования. 2005. Вып. 11. С. 66–74.
8. Красицки Я. Проблема раздела церкви и христианского единства в публицистике В. Соловьева // Соловьевские исследования. 2005. Вып. 11. С. 87–97.
9. Межуев Б. Михаил Меньшиков в полемике с Владимиром Соловьевым // Аврора: информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://aurora.network/articles/23-istorija-filosofija/84239-mikhail-men-shikov-v-polemike-s-vladimiro-solov-evym> (дата обращения: 7.05.2021).
10. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 635–762.
11. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. литература, 1986. С. 428–472.
12. Баранец Н.Г. Дискурсивные и жанровые особенности творчества В.С. Соловьева // Соловьевские исследования. 2002. Вып. 2. С. 18–34.
13. Ariskina O.L., Yurina N.G. Features of the linguistic personality of V.S. Solovyov-publicist (speech: "three forces") // Utopia y Praxis Latinoamericana. 2020. 25 (5). P. 39–50.
14. Юрина Н.Г. Творческие стратегии в литературной критике В.С. Соловьева (на материале работ «Поэзия Ф.И. Тютчева» и «Русские символисты») // Филология и культура. 2021. № 1(63). С. 225–230.
15. Юрина Н.Г. Литературно-художественное творчество В.С. Соловьева в контексте русской словесности второй половины XIX века (эстетика, поэтика, стиль). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 548 с.
16. Соловьев В.С. Письмо о восточном вопросе // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. Т. 9. СПб.: Тов-во «Просвещение», 1913. С. 169–171.
17. Соловьев В.С. Воскресные письма // Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева: в 10 т. Т. 10. СПб.: Тов-во «Просвещение», 1914. С. 3–80.

18. Davidson P. Vladimir Solov'ev and the Ideal of Prophecy // *Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78, No. 4. P. 643–670.

19. Письма Владимира Сергеевича Соловьёва / под ред. Э.Л. Радлова. СПб.: Обществ. польза, 1911. Т. 3. 340 с.

20. Радлов Э.Л. В.С. Соловьёв. Биографический очерк // *Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьёва*: в 10 т. Т. 10. СПб.: Тов-во «Просвещение», 1914. С. VII–LI.

References

(Sources)

Collected Works

1. Radlov, E.L. V.S. Solov'ev. *Biograficheskiy ocherk* [V. S. Solovyov. Biographical essay], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 10 t., t. 10* [The complete works of V.S. Solov'ev in 10 vol., vol. 10]. Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914, pp. VII–LI.

2. Solov'ev, V.S. Pis'mo o vostochnom voprose [Letter on the Eastern Question], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 10 t., t. 9* [The complete works of V.S. Solov'ev in 10 vol., vol. 9]. Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1913, pp. 169–171.

3. Solov'ev, V.S. Tri razgovora o voyne, progresse i kontse vseмирnoy istorii [Three Conversations about War, Progress, and the End of World History], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1990, pp. 635–762.

4. Solov'ev, V.S. Voskresnye pis'ma [Sunday letters], in *Sobranie sochineniy Vladimira Sergeevicha Solov'eva v 10 t., t. 10* [The complete works of V.S. Solov'ev in 10 vol., vol. 10]. Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Prosveshchenie», 1914, pp. 3–80.

5. Solov'ev, V.S. Natsional'nyy vopros v Rossii. Vypuski 1, 2. Voskresnye pis'ma [The national question in Russia. Issues 1,2. Sunday Letters], in Solov'ev, V.S. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Sovremennik, 1990, pp. 292–372.

Individual Works

6. Radlov, E.L. *Pis'ma Vladimira Sergeevicha Solov'eva* [Letters of Vladimir Sergeevich Solovyov]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1911, vol. 3. 340 p.

(Articles from Scientific Journals)

7. Ariskina, O.L., Yurina, N.G. Feature soft helinguistic personality of V.S. Solovyov-publicist (speech: “threeforces”), in *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 2020, 25 (5), pp. 39–50.

8. Baranets, N.G. Diskursivnye i zhanrovye osobennosti tvorchestva V.S. Solov'eva [Discursive and genre features of V. S. Solovyov's work], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2002, issue 2, pp. 18–34.

9. Davidson, P. Vladimir Solov'ev and the Ideal of Prophecy, in *Slavonic and East European Review*, 2000, vol. 78, no. 4, pp. 643–670.

10. Gaut, G. San a Christian be a Nationalist? Vladimir Solov'ev's Critique of Nationalism, in *Slavic Review*, 1998, vol. 57, no. 1, pp. 77–94.

11. Kornblatt, J.D. Vladimir Solov'ev on Spiritual Nationhood, Russia and the Jews, in *Russian Review*, 1997, vol. 56, no. 2, pp. 157–177.

12. Krasitski, Ya. Problema razdela tserkvey i khristianskogo edinstva v publitsistike V. Solov'eva [The Problem of the Division of Churches and Christian Unity in V. Solovyov's Publicism], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2005, issue 11, pp. 87–97.

13. Rotsinskiy, S.B. VI. Solov'ev i teoretiki narodnichestva: vyyasnenie otnosheniy po povodu obshchestvennogo ideala i roli lichnosti v istorii [VI. Solovyov and theorists of Narodnik movement (Populistic doctrine): clarification of relations about public ideal and role of an individual in history], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2005, issue 11, pp. 13–25.

14. Tsann-kay-si, F. «Russkaya ideya» v filosofskoy publitsistike VI. Solov'eva i dukhovnaya situatsiya nashogo vremeni ["Russian Idea" in philosophical publicism of VI. Solovyov and spiritual situation of our time], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2005, issue 11, pp. 66–74.

15. Yurina, N.G. Tvorcheskie strategii v literaturnoy kritike V.S. Solov'eva (na materiale rabot «Poeziya F.I. Tyutcheva» i «Russkie simvolisty») [Creative Strategies in the Literary Studies of V.S. Solovyov (Based on the Material "Poetry of F.I. Tyutchev" and "Russian Symbolists")], in *Filologiya i kul'tura*, 2021, no. 1(63), pp. 225–230.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

16. Bakhtin, M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres], in Bakhtin, M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1986, pp. 428–472.

17. Fatyushchenko, V.I., Tsimbaev, N.I. Vladimir Solov'ev – kritik i publitsist [Vladimir Solovyov – critic and pulicist], in Solov'ev, V.S. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Sovremennik, 1990, pp. 5–34.

(Monographs)

18. Yurina, N.G. *Literaturno-khudozhestvennoe tvorchestvo V.S. Solov'eva v kontekste russkoy slovesnosti vtoroy poloviny XIX veka (estetika, poetika, stil')* [Literary and artistic creativity of V.S. Solovyov in the context of Russian literature of the second half of the XIX century (aesthetics, poetics, style)]. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2019. 548 p.

19. Wozniuk, V. Politics, Law, and Morality: Essays by V.S. Soloviev. New Haven: Yale University Press, 2000. 368 p.

(Electronic Resources)

20. Mezhev, B. Mikhail Men'shikov v polemike s Vladimirom Solov'evym [Mikhail Men'shikov in polemics with Vladimir Solovyov], in *Aurora: informatsionnoe agentstvo* [Aurora: News Agency]. Available at: <https://aurora.network/articles/23-istorija-i-filosofija/84239-mikhail-menshikov-v-polemike-s-vladimirom-solov-evym>.